

Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

6 ИЮЛ 1985

г. Москва

В Московском драматическом театре на Малой Бронной с успехом идет премьера спектакля по роману К. Симонова «Солдатами не рождаются», в котором Л. Броневой играет роль генерала Серпилина. Всего же 150 ролей сыграно им в театре, кино и на телевидении...

Мальчик играл на скрипке. Больше всего он любил играть вечерами. Играл и представлял себе то, что играет. Вот он выходит на сцену в приднепровском парке. Вдали пытит паромод.

Мальчику было двенадцать лет, он считал себя взрослым. И действительно его детство кончилось на следующий день. В воскресенье началась война...

— Когда я смотрел фильм Евгения Евтушенко «Детский сад», в каждом кадре узнавал свое детство. Скрипка, стук колес, скрежетание вагонов, усталые лица беженцев, бомбежки. Я помню, как мы с мамой были огорчены, когда не сели в Киев на паромод. Могли ли мы знать, что через несколько часов в этот паромод попадет бомба? Потом был Чимкент и голод. Однажды, получив по карточке 300 граммов хлеба, — он был тогда вкуснее всего на свете, хотя почти прилипал к пальцам, — я съел его весь по дороге домой. Отщипывал, отщипывал, опомнился, когда в руках уже ничего не было. Боялся идти домой. А мать ничего мне не сказала, лишь прижала к себе.

Уроки детства... Я часто обращаюсь к ним. Детство, словно камертон, по которому я настраиваю свою жизнь. Когда мне плохо, трудно, я спрашиваю себя: «А сравнимы ли нынешние твои неурядицы с тем, что ты пережил двенадцатилетним мальчишкой?»

Самый главный урок, который я вынес из школы жизни военной поры: во всем и везде нужен неустанный, кропотливый труд. Никогда и ни в чем нельзя позволить себе расслабиться. Сколько я пережил актеров, которые с легкостью изменяли этому «золотому» правилу и были навсегда потеряны для театра! А ведь многие были понастоящему талантливыми людьми.

— Леонид Сергеевич, Вы не сразу завоевали признание зрителей. Достаточно перечислить театры городов, где Вы работали: Магнитогорск, Оренбург, Грозный, Воронеж, Иркутск, — чтобы понять, что Ваш актерский путь не был усыян розами...

— Да, уж чего-чего, а трудностей пришлось испытать немало. Разные они были. Вы-

товые. В Грозненском драмтеатре, например, несколько месяцев актерам не выплачивали зарплату — да, да, не удивляйтесь, было такое из-за беспредела театрального руководства. Жил в коммуналках, общежитиях... Творческие невзгоды. Личные. Была беда. Умерла жена, я остался один с маленькой дочуркой. Но старался не пасовать перед трудностями. Стыдно. И вместе с тем я испытывал се-

Критерий один: справедливо или нет. Из-за этого у меня — скрывать нечего — частенько портятся отношения с начальством. Но не могу видеть, как иногда, бывает, куражатся над человеком...

— Значит, Вы всегда говорите то, что думаете?

— По крайней мере стремлюсь к этому. Не все, кстати, можно говорить человеку прямо в глаза. Нередко это идет ему же во вред.

Леонид Броневой:

«ПО КАМЕРТОНУ ДАЛЕКОГО ДЕТСТВА»

ВСТРЕЧА
ДЛЯ ВАС

бя: смогу ли справиться, сумею ли добиться цели в жизни?

Сегодня я часто слышу, как обвиняют молодежь в позднем взрослении, незрелости, неумении преодолевать первые препятствия, встречающиеся в жизни, и т. п. Что же, отчасти верно... Но давайте взглянем прежде всего на самих себя. До чего же старательно, прямо-таки фанатично мы ограждаем своих детей от борьбы с трудностями! А потом удивляемся, отчего некоторые наши дети вялы и беспомощны, в 25 лет еще семнадцатилетние. Когда моя дочь не поступила в институт, я укорял: «Что же ты, Леонид Сергеевич, своей родной дочери не помог?» Нашептывали ей: дескать, мог отец тебя, Валуша, устроить, да, видно, не хочет тебе добра... Не мог я! Не по мне эта мышиная возня, — устрой, доставай, протолкни. На следующий год дочь поступила, теперь работает на телевидении. Рад за нее.

— Но, Леонид Сергеевич, хорошо Вам, Вы сильный человек...

— Вы в этом уверены?

— ...сужу по Вашей творческой биографии и личной судьбе. А что делать тем, у кого не хватает силенок бороться с трудностями?

— Верно. Таким людям надо помогать, всячески поддерживать. Я, наверно, конфликтный человек, по крайней мере некоторые так думают.

— Какие люди Вам по душе?

— Целеустремленные. Сосредоточенные. Те, которые не суетятся, не размениваются по пустякам. Это предполагает трудолюбие — самое ценное, по-моему, человеческое качество.

Музыка была его несбывшейся судьбой. С тринадцати лет он начал работать. Вначале на чимкентском хлебозаводе. Затем шил костюмы, платя для кукол в кукольном театре. Однажды даже сыграл роль милиционера, который спас Красную Шапочку от коварного волка. Работал он и секретарем-машинисткой в райисполкоме. Встречал посетителей (и это в четырнадцать лет!), печатал на машинке, писал официальные бумаги. И страстно мечтал, как и все мальчишки, попасть на войну.

Он перестал быть похожим на того довоенного киевского мальчика, разучивающего на скрипке вальсы и сюиты, чинно ходившего на занятия в музыкальную школу с нотной папкой в руках. Он стал тверд и решителен. Когда он решил стать актером, прошел за один год три старших класса школы рабочей молодежи. Экзамены сдал экстерном. Не давал себе никаких поблажек...

— Мне только два раза за всю свою театральную жизнь довелось сыграть в спектаклях на музыкальных инструментах. Однажды сыграл на пиа-

нино в пьесе Ирвинга Шоу «Бруклинская идиллия», второй раз в другом спектакле — на аккордеоне. Дома часто играю. Люблю исполнять русские романсы, а слушать — современную эстрадную музыку. Особенно А. Пугачеву. «Эй, вы там, наверху» — это ведь целая пьеса об одинокой женщине! Я знаю, как трудно она работает над песней, постоянно ищет, экспериментирует.

— Леонид Сергеевич, а легко ли работаете Вам?

— Каждая роль мне дается с колоссальным напряжением сил. Чем больше репетиций, тем больше я не доверяю себе. К выпуску спектакля часто бываю совсем больной. Постоянно анализирую, как бы прислушиваясь к тому, что играю, пристально слежу за реакцией зрителей на первых спектаклях.

Человек не должен уходить из театра подавленным. Скажем, одна роль вызывает жалость, другая — смех, третья заставляет задуматься над чем-то важным в жизни, но никогда итогом не должны быть раздражение, скептицизм, злая ирония.

— Но Мюллер в общеизвестном телефильме «Семнадцать мгновений весны» — именно после этой роли к Вам в 45 лет пришел большой успех — не может не вызывать у нас чувства безразличия, даже отчасти страха. Эдакий домашний, уютный убийца...

— Верно. Но эта роль прежде всего заставляет каждого задуматься, отчего в этом, как вы сказали, «домашнем», умном человеке (нелегко называть его этим словом) так сильно изверское начало? Откуда берутся «мюллеры»?

— Юрий Завадский как-то сказал, что Вы интересны своей загадочностью. Вы не раскрываете до конца образ,

оставляя возможность зрителю как бы дописывать его.

— Мне не по душе однозначность, заданность. Если попадаете роль запрограммированная, где все ясно, я пытаюсь уйти от схемы. Даже из самой маленькой роли стремлюсь слепить характер. Вообще интуиция, повышенная эмоциональность — не моя стихия. Пытливое размышление — да. Люблю Чехова именно за его невысказанность, сдержанность.

— Леонид Сергеевич, Вы закончили два театральных вуза. Зачем?

— Да, сразу же после войны я учился в Ташкентском театральном институте, а через несколько лет поступил в школу-студию при МХАТе. Зачислили меня сразу на третий курс. Для меня, как актера, было чрезвычайно важно «пощупать» свое профессиональное мастерство, четче отработать технику, поставить дыхание, голос. Я считал себя недостаточно подготовленным. Это не значит, что в Ташкенте были плохие учителя. Отнюдь. Прежде всего хотелось проверить себя, услышать о себе объективную оценку маститых наставников театра. Именно в эти годы я пытался наметить контуры своего стиля.

Невозможно чему-то научиться сразу и на всю жизнь. Каждый раз пытаюсь отойти от того, что нарабатано, что когда-то принесло успех. Мне близка по духу роль Шахматова, секретаря крайкома партии в спектакле «Равняется четырем Франциям». Это человек, умеющий брать ответственность на себя, решительный борец против рутины, закостенелости.

...Мы сидим в комнате Леонида Сергеевича в Калопином переулке. Перебираю фотографии. Мальчик, играющий на скрипке в освещенном солнцем классе. Он же с мамой на берегу Днепра. Броневой — студент. Вот он на снимке в роли В. И. Ленина в «Третьей, патетической» Погодина в Воронежском драмтеатре. Важный и надутый Яичница из гоголевской «Женитьбы», поставленной в Театре на Малой Бронной; мягкий и проникательный доктор Вернер из телефильма «Герой нашего времени»; уставший от своего ума и глупостей других Герцог из телефильма «Тот самый Мюнхгаузен»... Сколько ролей сыграно, сколько судеб прожито и каких!..

Н. ЛАШКЕВИЧ